

КУРС: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ТЕМА 3. ИСТОРИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Лекция 3.4. Рождаемость, брак и семья

2017-2018

План лекции

3.4.1. Кризис традиционного брака и «второй демографический переход»

3.4.2. Сексуальная революция

3.4.3. Новый брачно-семейный календарь

3.4.4. Регистрируемые и нерегистрируемые браки, разводы и рост внебрачной рождаемости

3.4. 5. Плюрализм семейных форм

3.4.1. Кризис традиционного брака и «второй демографический переход»

Обеспечивая неразрывную связь матримониального, сексуального и прокреативного поведения, брак в традиционном обществе играл роль важнейшего механизма контроля рождаемости, и в этом заключалась хотя и не единственная, но одна из главных смыслообразующих функций брака как социального института. На неуклонное выполнение этой функции были направлены культурные и социальные нормы, «цензура» внешнего окружения, сельской или соседской общины.

В традиционалистском европейском сознании рождение детей часто, хотя и не всегда, рассматривалось как цель и оправдание брака. Такова, в частности, позиция католической церкви. Православное богословие ее не разделяет.

Если отвлечься от этих религиозно-философских споров и взглянуть на традиционный брак глазами современной социологии, то нельзя не прийти к выводу, что у брака есть много разных целей, делающих его необходимым полифункциональным институтом во всех аграрных обществах. Но **нет сомнения, что рождение и воспитание детей – одна из главных функций брака и что правила и нормы брачной жизни в любых обществах складывались с учетом этой первостепенной демографической функции.**

Традиционные культурно-религиозные установки, связывавшие деторождение с браком, не исчезли и с возникновением «европейского» типа брачности. Но **переход к новой модели рождаемости, основанной на свободе прокреативного выбора, потребовал их пересмотра.**

Первыми столкнулись с трансформацией института брака, ставшей ответом на демографические перемены, страны европейской культуры, где эти перемены начались раньше, тогда как в других частях мира эта трансформация пока не получила достаточно полного выражения. Поэтому сейчас чаще всего анализируются изменения, переживаемые моногамным браком в той его форме, которая сложилась в рамках европейской христианской традиции и не обладает ни исторической, ни географической универсальностью.

Традиционный европейский брак предполагает автоматическое, не зависящее от воли супругов появление детей в силу неразрывности цепочки брак-секс-прокреация.

Новая модель рождаемости требует отказа от такого автоматизма, обособления последнего звена трехзвенной цепочки и рождения детей на основе сознательно принимаемых матерью или обоими родителями решений. Одновременно кардинально сокращается число рождений, что резко ограничивает место прокреации в жизни супружеской пары и расширяет возможности других видов деятельности.

Система супружеских отношений и взаимодействия супругов с внешним миром становится намного более сложной и дифференцированной и со все большим трудом вписывается в ограничения, накладываемые традиционным браком.

Отсюда несовместимость новой модели рождаемости с прежней моделью брака и кризис последней.

Конечно, у этого кризиса были и другие детерминанты – экономические и социальные. Он был частью общего кризиса традиционного общества, уходившего с европейской арены под натиском новой промышленно-городской цивилизации. Кризис традиционного брака нарастал постепенно. Он достаточно явственно ощущался уже в XIX в., но тогда традиционная модель брака еще сохраняла свой авторитет, и большинство европейского населения продолжало ей следовать.

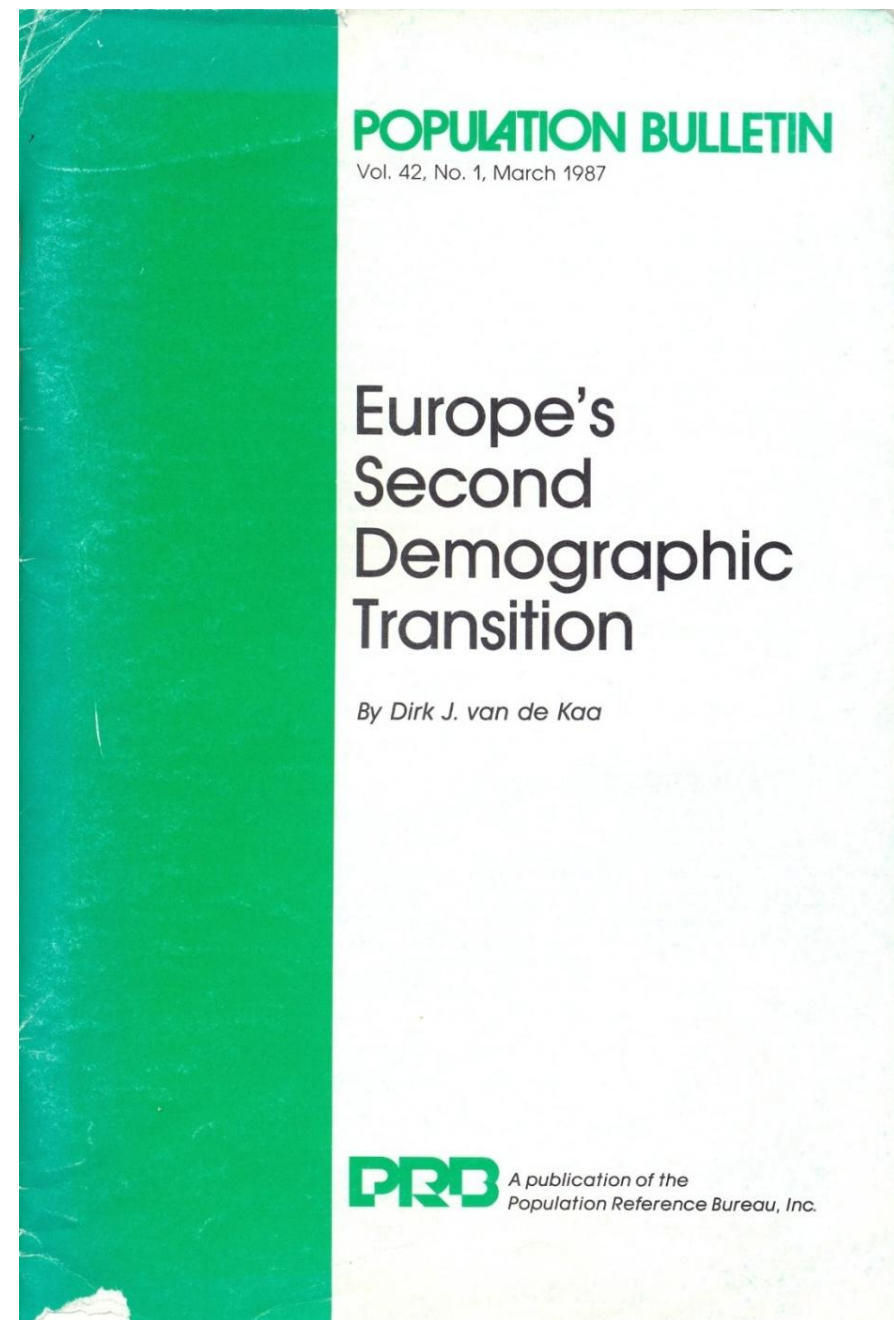
Однако по мере того, как набирала силу новая модель рождаемости и расширялись ее социальные и технологические возможности, кризис традиционного брака усиливался.

Ответом на этот кризис стал наметившийся уже в начале XX в. отход от традиционных стандартов брачной жизни, сопровождавшийся поисками – возможно, не всегда удачными – ее альтернативных форм.

Этот отход ускорился между двумя мировыми войнами – в это время население большинства стран европейской культуры уже широко практиковало ограничение рождаемости в браке. Новые демографические реальности расшатывали привычные образцы брачных биографий людей, и к последней трети XX в. в странах Европы и Северной Америки перемены набрали такую силу, что дали основания говорить о комплексном процессе изменений в брачно-семейной сфере, получившем название **«второго демографического перехода»**.

Этот термин ввели в научный оборот в 1986 г. голландский демограф Дирк ван де Каа (D. Van de Kaa) и бельгийский демограф Рон Лестэг (Ron Lesthaeghe).

Он содержит в себе обобщение, которое позволяет видеть не отдельные подвижки в демографическом поведении людей, а целую систему этих подвижек и рассматривать их как единый процесс, при котором одни изменения естественно вытекают из других и ведут к замене прежних брачно-семейных форм новыми.

«Второй демографический переход» можно трактовать по-разному.

Согласно «классической» трактовке Лестега и ван де Каа, он имеет свои особые детерминанты, отличные от тех, которые обусловили «первый» переход, т.е. снижение рождаемости, примерно, до уровня простого замещения поколений. Это снижение трактуется в духе «полезностной» концепции и связывается с индустриализацией, урбанизацией и секуляризацией, с тем, что «переход от семейного производства к наемному оплачиваемому труду, который сопровождал индустриализацию и урбанизацию, снизил экономическую полезность детей».

«Второй» же переход, когда рождаемость опускается ниже уровня простого замещения поколений, а главное, происходят многоплановые изменения в брачно-семейной жизни людей **объясняется другими факторами**: ростом благосостояния и социальной защищенности, ослаблением влияния религиозных норм, ростом индивидуализма, стремлением родителей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей» и т.д.

Но возможен другой подход к пониманию **«второго демографического перехода»**, когда он понимается не как отдельный процесс со своими собственными независимыми детерминантами, а лишь закономерный этап развития демографического перехода, к которому с необходимостью приводит цепная реакция, запущенная снижением смертности.

Согласно такой трактовке, «второй демографический переход» действительно сопровождается теми переменами, о которых говорят сторонники первого подхода (ослабление религиозных норм стремление к самореализации, распространение «постматериалистических ценностей» и пр.), **но не как следствие, а как причина**. Огромное снижение рождаемости как необходимый ответ на снижение смертности делает многие нормы и ценности, тысячелетиями верой и правдой служившие людям, ненужными, и они ослабевают или исчезают.

Какое бы из этих объяснений ни было верным, они не ставят под сомнение сам факт небывалых перемен в брачно-семейном поведении людей. **Традиционные формы брака и семьи переживают кризис и европейские общества с неизбежностью вступают в полосу поиска новых форм.**

В этом поиске участвуют сотни миллионов семей на протяжении нескольких поколений, постепенно преодолевая инерцию прошлого, отказываясь от сложившихся установлений и вырабатывая **новые институциональные формы и новую культурную регламентацию индивидуальной, частной, личной жизни людей, трассирования их индивидуального жизненного пути.**

Лев Толстой: «...Семья эволюирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается. Может быть большое количество людей, держащихся целомудрия; могут быть браки временными и после рождения детей прекращаться, так что оба супруга после родов детей расходятся и остаются целомудренными; могут дети быть воспитываемы обществом. Нельзя предвидеть новые формы. Но несомненно то, что старая разлагается...».

Поиск ведется методом проб и ошибок, опробуются самые разные варианты адаптации к новым демографическим и социальным реалиям, идет социокультурный отбор наиболее конкурентоспособных, эффективных форм и норм. Постоянно и повсеместно возникающие попытки противостоять переменам, взывая к опыту прошлого, абсолютно бесперспективны, потому что больше нет этого прошлого.

«Второй демографический переход» был подготовлен всем демографическим и социальным развитием стран европейской культуры, по крайней мере, с начала XX в., и кое-что можно было предвидеть уже и тогда. Но явственно он обозначился в этих странах лишь в 1970-е годы, после «контрацептивной революции» 1960-х годов.

Тогда могло казаться, что главное уже произошло, и нуклеарная супружеская семья с заранее планируемым небольшим числом детей стала той новой устойчивой формой, которая пришла на смену сложной многопоколенной семье прошлого. Дальнейшее развитие событий заставило усомниться в устойчивости и этой формы, поисковый процесс не прекратился и привел к разнообразным и почти синхронным изменениям в брачно-семейном поведении людей.

3.4.2. Сексуальная революция

Одним из наиболее заметных направлений отхода от традиционной модели брака и поисков заменяющих ее форм стала так называемая **«сексуальная революция»**.

Это выражение иногда вызывает почти суеверный ужас, как будто само упоминание об этом важном и, безусловно, требующем осмысления социальном процессе несет в себе что-то безнравственное, чуть ли не проповедь свального греха. Такой взгляд на сексуальную революцию предполагает одновременно и идеализацию нравов прошлого, и непонимание смысла перемен, происходящих в наше время.

Сексуальное поведение людей определяется как биологической, так и социальной природой человека.

Ограничение полового инстинкта социальными и культурными нормами так же старо, как само человеческое общество, – достаточно вспомнить строжайшие половые табу первобытных племен.

В более близкие к нам времена главным институциональным барьером, отделявшим дозволенное от недозволенного в общении полов, был брак.

В жизни всегда бывало немало отступлений, но массовое повседневное поведение было подчинено культурной норме, не допускавшей автономного сексуального поведения, оно могло существовать только в рамках неразделимой триады: брак – секс – деторождение.

Особенно строго эту норму приходилось соблюдать женщине, ее нарушение могло привести к беременности, которую почти невозможно было скрыть. Половая связь на основе индивидуального влечения считалась, скорее, отклонением от культурной нормы, в идеальных картинах будущего, которые рисовались средневековым утопистам, она полностью отсутствует.

Кампанелла (Город Солнца): Начальники определяют..., какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу... Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга... Ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых – с женщинами полными и кроткого нрава... Все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей, а не приданое и обманчивую знатность рода.

Европейская культура на протяжении нескольких столетий вырабатывала критическое отношение к средневековым нравственным императивам, осуждавшим требования плоти и не признававшим прав человека на индивидуальное любовное чувство.

Но пока за этими императивами стояли объективные требования поддержания демографического, а значит и социального порядка, индивидуальная любовь, воспетая величайшими представителями европейской культуры и, возможно, доступная отдельным людям, едва ли могла стать уделом многих.

Ценность индивидуального влечения признавалась и в марксистской утопии. Ф. Энгельс предполагал, что в будущем **«отпадет беспокойство о "последствиях", которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, – моральный и экономический, – мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине»**. Но он связывал эту перспективу с обобществлением средств производства, устранением частной собственности, утратой семьей роли хозяйственной единицы общества и переходом к общественному воспитанию детей.

В каком-то смысле это предсказание сбылось, беспокойство о "последствиях" действительно отпало, - но не потому, что были обобществлены средства производства, а потому, что, **в силу демографических изменений, исчезла природная спаянность секса и прокреации, и их разделение получило социокультурную легитимацию.**

Причина была другая, но результат был именно тем, какой предвидел Энгельс, - «постепенное возникновение более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости».

Однако главный смысл сексуальной революции заключается не в том, что она позволяет «не бояться последствий», а в том, что освобожденные от обязательной связи с деторождением половые отношения приобретают самоценность.

Еще Лев Толстой мог писать, что «деторождение в браке не есть блуд; но ... в мнении о том, что плотское общение хотя бы и с женой, ради одной похоти греховно, есть правда». Так же думал и Махатма Ганди, утверждавший, что супруги, сознающие свою ответственность, «никогда не вступят в половую связь только для удовлетворения своей похоти, а лишь из желания иметь потомство. Думать, что половой акт — самостоятельная функция в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество».

Положительное значение сексуальной революции заключается в том, что **половое влечение, совершенно естественное для людей, уже не рассматривается как осуждаемая «похоть», а признается важной составляющей формирования личности человека, его эмоционального мира, его жизненных мотиваций.**

Культура осваивает это новое пространство, вырабатывает новые нормы, новые образцы поведения, возвышает любовное чувство до одной из главных ценностей современной жизни. Такая переоценка ценностей происходит не на пустом месте. Европейская культура готовилась к ней, по крайней мере, со времен Возрождения, создавая идеал романтической любви. Этот идеал всегда был недостижимым, недостижим он и сейчас. Но важно то, что одним из результатов сексуальной революции стало признание этого идеала культурой, он сделался частью «ценностного консенсуса», направляющего социальное поведение большинства людей.

Маяковский:

Это хитрая тема!

Нырнет под события,

в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,

и как будто ярясь

— посмели забыть ее! —

затрясет;

посыпятся души из шкур.

В рамках этого ценностного консенсуса любовное чувство, учитывающее избирательность полового влечения и его гедонистическую составляющую, становится важным самооценным элементом супружества, влияющим на удовлетворенность супругов своим браком. Повышается избирательность в поиске долговременного партнера в супружестве, но понижаются требования к кратковременным сексуальным партнерам, связь с которыми вовсе не обязательно превращается в прочный брак. Такие связи воспринимаются и самими партнерами, и социальным окружением как подготовка к браку, как эпизоды на пути проб и ошибок, что было совершенно не свойственно традиционному браку.

Все это подрывает прежнее значение брака как единственного легального института, в рамках которого пожизненно локализуется половая жизнь человека, и делает брак менее обязательным и более хрупким.

3.4.3. Новый брачно-семейный календарь

Одним из главных, с точки зрения брака и семьи, последствий базовых демографических изменений в смертности и рождаемости стало появление нового брачно-семейного календаря.

«Второй демографический переход» формирует новую темпоральную структуру брачно-семейной биографии человека. Меняется не только возраст, в котором происходят те или иные события этой биографии, но и их последовательность, их временная связь между собой.

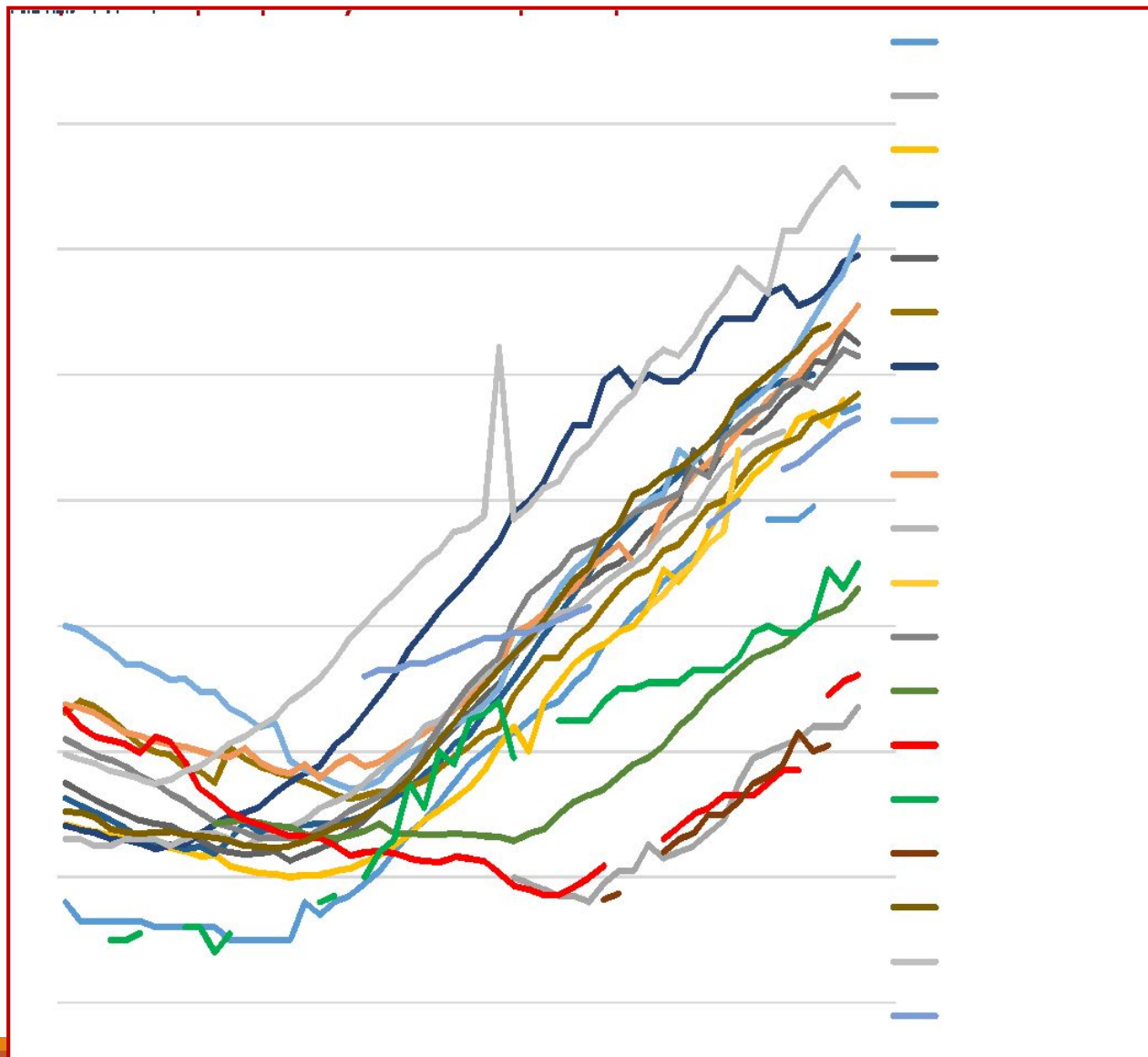
Вследствие дифференциации видов брачно-семейного поведения, прежде имевших общий календарь, появляются три календаря, относительно независимых друг от друга. Согласование этих трех календарей между собой с учетом появляющихся при этом у каждого человека новых степеней свободы – одно из главных направлений поиска, в котором находится сейчас европейская семья.

В традиционных обществах допромышленной эпохи почти все люди по достижении определенного, как правило, очень раннего возраста, вступали в брак. Поздняя «европейская» брачность стала историческим исключением, оно продержалось до тех пор, пока сохранялись демографические основания ее существования.

Когда, с распространения регулирования рождаемости в браке, эти основания отпали, европейские страны, США и Канада стали отходить от «европейской» брачности, и **началось снижение возраста вступления в первый брак, продолжавшееся до начала 1970-х годов.**

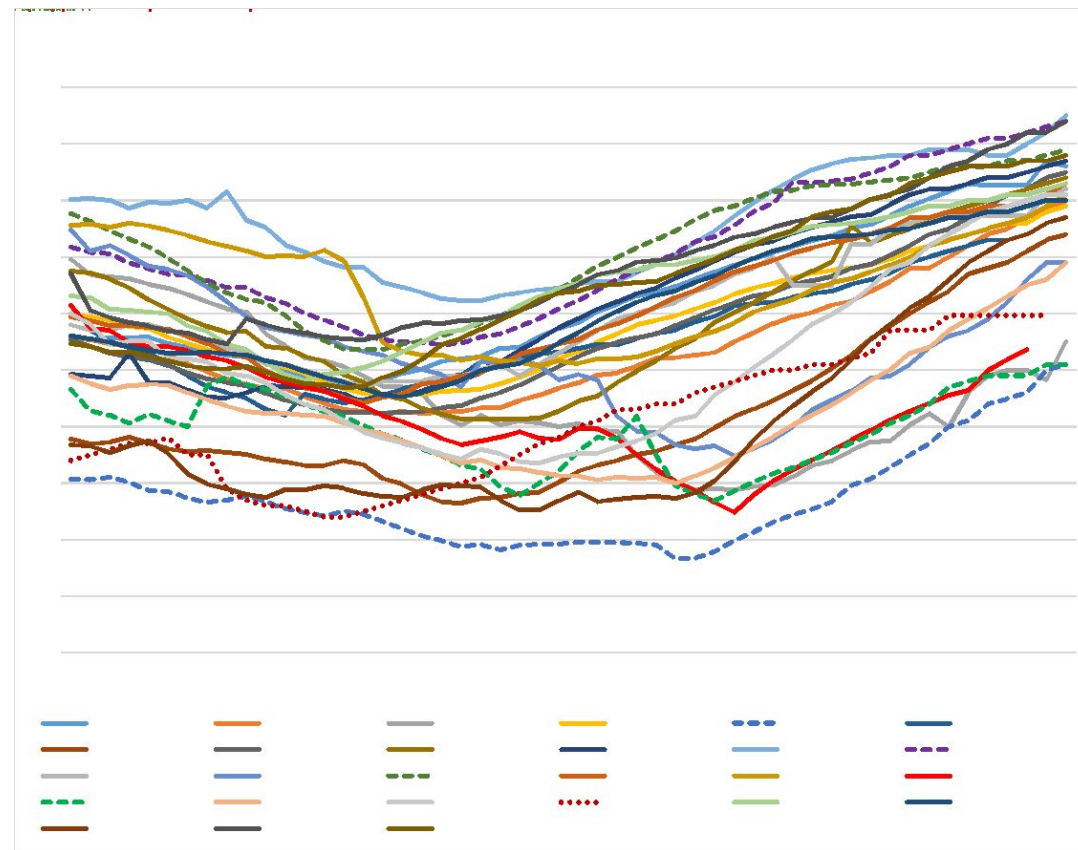
Но затем началось неожиданное повсеместное синхронное повышение возраста вступления в первый брак, что-то вроде возврата к прежней «европейской» брачности. **Однако смысл новой тенденции был совсем иным.**

Если цель «европейской» брачности заключалась в том, чтобы **отсрочить начало половой жизни**, которое совпадало с началом брачной жизни, а тем самым и рождение детей, которые появлялись вскоре после вступления в брак, то **теперь в этом нет необходимости.**

Теперь сексуальная жизнь человека может иметь свой собственный календарь, **возраст полового дебюта может и не совпадать – и все чаще действительно не совпадает – с возрастом вступления в брак.** Отсюда и все более частое раннее добрачное начало половых отношений, не обязательно связанное с намерением вступить в брак, а даже если такое намерение есть и впоследствии реализуется, момент начала фактического брака все чаще отделяется от момента его последующей регистрации, с которой можно и не спешить.

Еще одно важное изменение брачно-семейного календаря **повышение среднего возраста женщины при рождении ребенка.** Некогда он предопределялся возрастом вступления женщины в первый брак и был столь же ранним.

Когда европейские семьи стали практиковать ограничение числа рождений в браке, они стали заканчивать прокреативную деятельность во все более молодом возрасте, средний возраст материнства неуклонно снижался. Но в первой половине 1970-х годов **снижение среднего возраста матери сменилось его ростом**, что объясняется, главным образом, **более поздним рождением первого ребенка.**

Такой поворот тенденции свидетельствует об **изменении индивидуальной жизненной стратегии** женщин, но, конечно, и мужчин. Контрацептивная революция облегчила и сделала более надежным управление продолжительностью протогенетических (между началом брачной жизни и рождением первого ребенка) и интергенетических (между двумя последовательными рожденьями) интервалов, т.е. **более точное планирование сроков появления детей.**

При нынешней смертности, для того, чтобы иметь одного, двух или трех детей, **нет необходимости обзаводиться потомством слишком рано**, невелика и высокая прежде вероятность того, что родители умрут раньше, чем дети встанут на ноги.

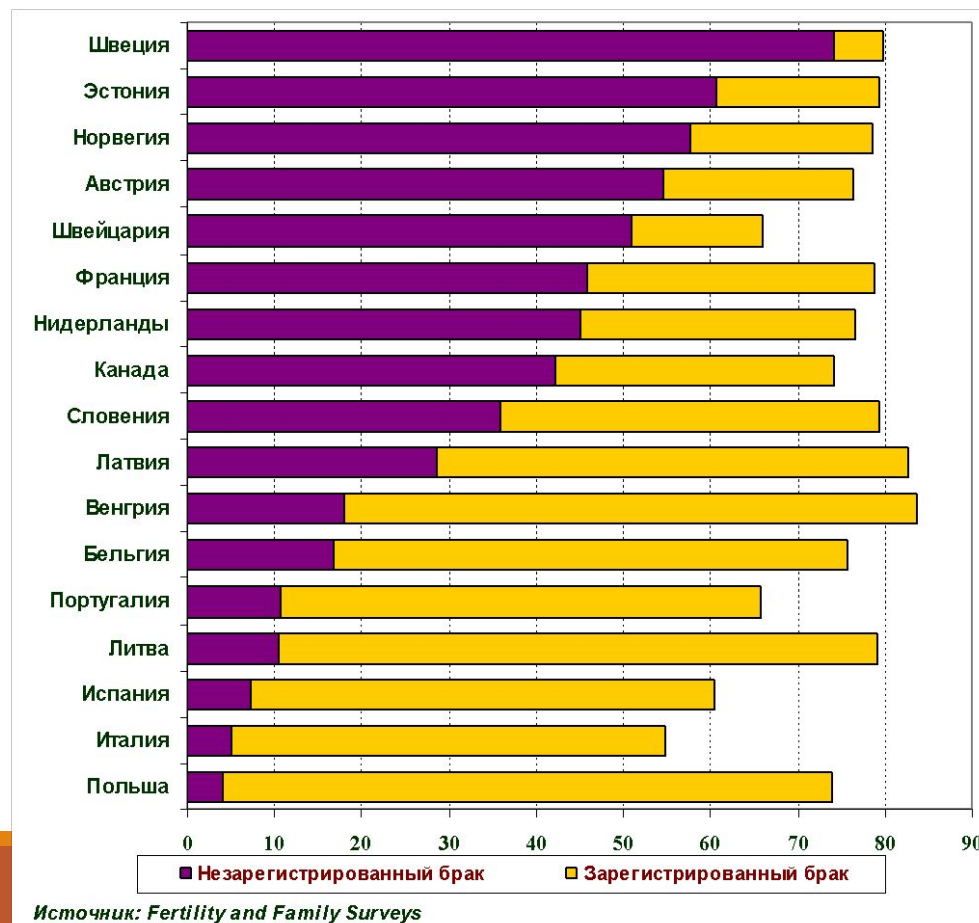
Откладывание рождения детей высвобождает очень важный для социального становления человека период жизни, который можно использовать для получения образования, накопления самостоятельного опыта, достижения материальной независимости.

3.4.4. Регистрируемые и нерегистрируемые браки, разводы и рост внебрачной рождаемости

Во второй половине XX в. во многих европейских странах получили распространение нерегистрируемые сожительства людей, выступающие в качестве альтернативной формы брака. **Распространение нерегистрируемых отношений можно истолковать как свидетельство повышения самооценности таких союзов и одновременно требований к их качеству. Они становятся более интимными: в одних случаях более глубоким, в других — более поверхностным.**

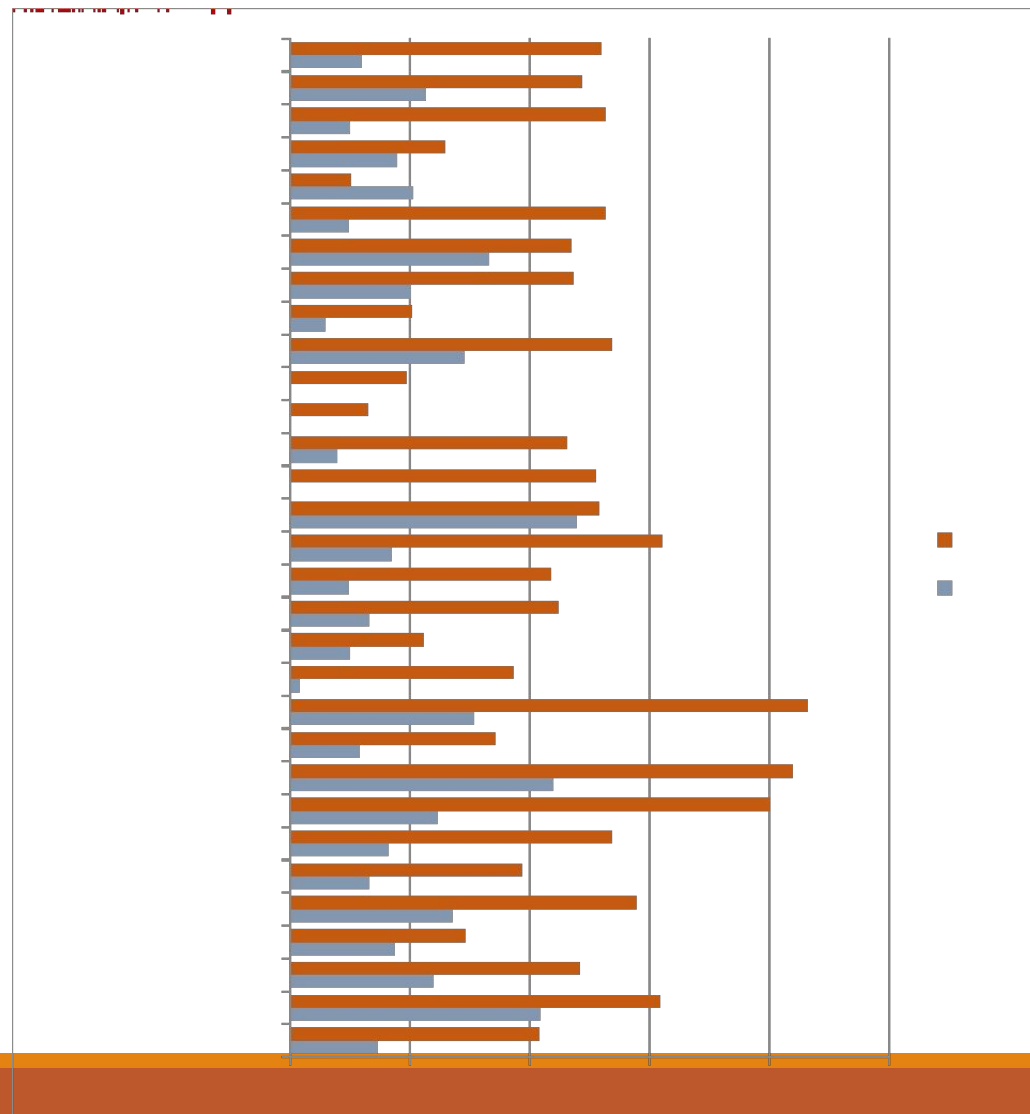
И в том, и в другом случае они не слишком требуют внешнего, официального оформления брачных уз, особенно если не приводят к скорому появлению детей. Но этого чаще всего и не происходит, потому что современные брачно-семейные отношения следуют совершенно иному, чем прежде календарю.

Доля женщин 1960-1965 годов рождения, вступивших в первый брак к 25 годам, %

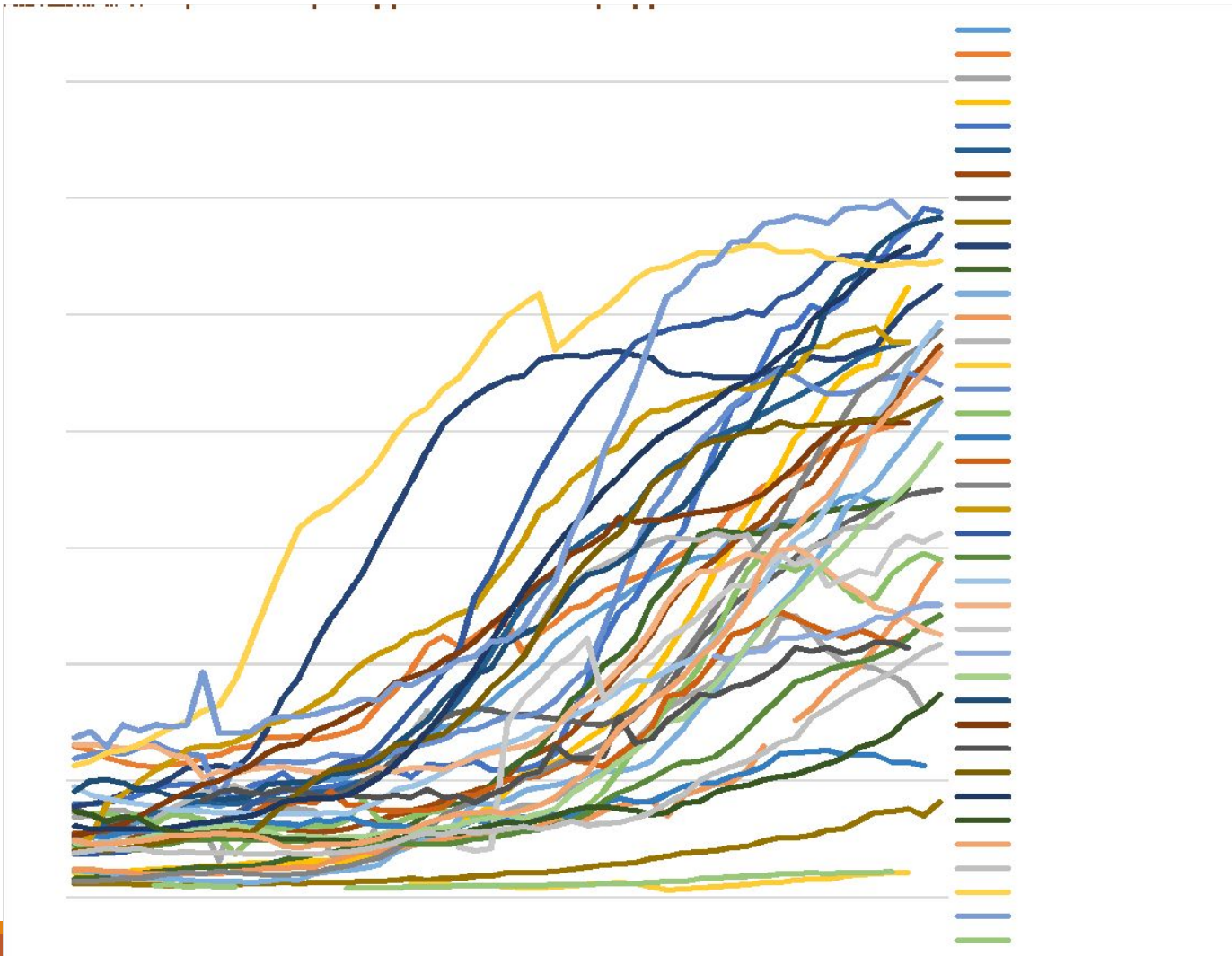

Исчезает былая прочность брака, во многом державшаяся на практической невозможности его расторжения, и растет число разводов.

Это связано с изменившимися правовыми, экономическими и другими условиями, но едва ли не главную роль играют изменившиеся демографические задачи брака как института, обеспечивавшего высокую рождаемость за счет сохранения длительного периода прокреативной деятельности женщины.

По мере того, как автономизация сексуального и прокреативного поведения получает все более явную культурную легитимацию, а также по мере все большего распространения нерегистрируемых браков, все более частым становится рождение детей вне официального брака,

В некоторых странах число родившихся вне брака детей приближается к половине всех родившихся или даже превышает ее.

В самое последнее время возник новый аспект вопроса о родительстве и его связи с браком, что стало следствием появления и распространения **вспомогательных репродуктивных технологий** и в то же время вписывается в комплекс перемен, обозначаемых как «второй демографический переход».

Социальное родительство – усыновление, удочерение, существовало, наряду с биологическим всегда, было социально одобряемым, но оно **не затрагивало прокреативного поведения**.

Биологическое же родительство, отделенное от социального («незаконнорожденность»), как правило, социально осуждалось, было чем-то маргинальным.

Теперь внутренняя дифференциация глубоко затронула само прокреативное поведение и его связь с родительством. Появление и развитие новых репродуктивных технологий – экстракорпорального оплодотворения, в том числе, с использованием донорского генетического материала, суррогатного материнства - породило массу новых вариантов прокреации и связанных с ними вариантов родительства.

«Происходит отделение не только генетического родительства от социального, родительства как такового от репродукции, но и диверсификация внутри негенетического родительства, выражающаяся в отделении друг от друга разнообразных его форм» (Исупова 2009).

Не только секс не обязательно предполагает родительство, но и родительство не обязательно предполагает секс.

3.4.5. Плюрализм семейных форм

Все упомянутые изменения происходят стихийно, в разных странах, что как раз и свидетельствует о коллективном поиске новых форм организации частной жизни человека, лучше соответствующих новым социальным и демографическим условиям его существования.

Ключевые демографические изменения, сделавшие необходимой свободу индивидуального прокреативного выбора, вносят огромный вклад в формирование общего мира свободного выбора, которого требуют также и другие – экономические, социальные, политические – перемены. Современные брак и семья могут существовать только в таком мире и должны отвечать его требованиям.

Не удивительно поэтому, что многие черты традиционного брака, прежде воспринимавшиеся как достоинства и действительно бывшие достоинствами в других исторических условиях, помогавшие человеку выжить и вырастить потомство, постепенно утрачивают свой смысл, а потому теряют и былую привлекательность в глазах большинства людей.

Прежний малоподвижный брак, представлявший собой нечто вроде жесткого футляра, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь каждого, перестает удовлетворять человека, с детства привыкающего к разнообразию и динамизму современных городских обществ. Это приводит к эрозии «стандартного» традиционного брака.

Традиционная семья претендует на объединение всех ценностей в одном пакете: прочность брака, экономическая безопасность, супружеская любовь, сексуальное удовлетворение, рождение и воспитание детей, семейная солидарность.

Этот список, вероятно, можно продолжить, но одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: все сразу может и не получиться. С милым рай и в шалаше – но тогда не достигается экономическая безопасность. Жизнь с богатым, но нелюбимым мужем тоже не соответствует образу идеальной семьи.

Вступают в противоречие чадолюбие в традиционном понимании (чтобы детей было много) и воспитание детей – средняя современная семья, и экономически и эмоционально, и по балансу доступного времени может дать надлежащее воспитание и образование лишь ограниченному числу детей, чадолюбие в современном понимании требует ограничения числа детей, но больших инвестиций в их воспитание.

Буквально на каждом шагу своего жизненного пути современному человеку приходится делать выбор в условиях, когда сами ценности дифференцированы, и общество отвечает на эту ситуацию созданием гораздо более богатой, чем прежде, палитры вариантов выбора, рассчитанной на человека, вооруженного «встроенными» ценностными ориентирами.

Свобода выбора в личной жизни - это вовсе не уступка «вседозволенности», это – переход к новому типу управления демографическим и семейным, поведением в условиях не поддающегося перечислению множества возможностей. Теперь только такое управление и отвечает требованию кибернетического закона необходимого разнообразия (разнообразие сложной системы требует управления, которое само обладает достаточным разнообразием).

Статистика и исследования давно уже указывают на многоплановые **перемены в матримониальном и прокреативном поведении людей, которым часто трудно дать однозначную оценку.** Наряду с привычным единственным типом брака, начинающегося с регистрации и продолжающегося до конца жизни одного из супругов, получают распространение нерегистрируемые сожительства, «партнерства», начавшиеся без регистрации, а затем либо распадающиеся, либо зарегистрированные как брак, либо продолжающиеся без регистрации. Есть браки, сознательно бездетные, малодетные и многодетные.

Если добавить к этому, что дети рождаются как в браке, так и вне брака, брачные партнеры, зарегистрированные или нет, нередко имеют детей от разных браков, а так как развод не стигматизируется, то дети поддерживают отношения с обоими родителями и нередко ощущают себя членами двух новых семей, образовавшихся после развода родителей, то получается очень сложная мозаичная картина.

Множатся повторные браки как после формального развода, если брак был зарегистрирован, или после овдовения, так и после прекращения предыдущего официально неоформленного сожительства, причем **повторные браки еще чаще, чем первые, могут оставаться незарегистрированными**, не переставая от этого быть браками. Появляются и другие «нестандартные» формы совместной жизни.

Ничего нового во всех этих формах нет, практически все они существовали в разные эпохи и в разных культурах. Новизна заключается в том, что они существуют одновременно в одном и том же обществе и получают культурную легитимацию.

Либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали — признаки новейших перемен, которые затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности и очень плохо вписываются в казавшиеся незыблемыми тысячелетние нормы человеческого общежития. Но незыблемость некоторых из этих норм пошатнулась, когда произошли необратимые изменения в базовых условиях существования человеческого общества, в том числе — и едва ли не в первую очередь — демографических.

Вся совокупность перемен, которые объединяются понятием «второй демографический переход», свидетельствует о небывалой диверсификации форм демографического и брачно-семейного поведения, что резко контрастирует с небольшим числом стандартных, унифицированных моделей такого поведения в прошлом.

Теперь на смену почти единственному образцу, по которому выстраивались судьбы большинства людей во всех традиционных обществах, пришло необыкновенное разнообразие доступных каждому человеку альтернативных жизненных путей, в том числе и при выстраивании своей личной, семейной, частной жизни. Это новое разнообразие свидетельствует о чрезвычайном усложнении демографической системы и требует соответствующего усложнения механизмов социального управления демографическими процессами, в том числе и рождаемостью. Такие механизмы создаются историческим развитием.

Рекомендуемая литература по теме 3

Основная

- Вишневский А.Г. Демографическая революция // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В двух томах. Т. I. Демографическая теория и демографическая история. М., Наука, 2005. Глава 3. Становление современного типа рождаемости (Демоскоп Weekly, Читальный зал).
- Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее М., Финансы и статистика, 1982. Часть 3. Общество и рождаемость. (Демоскоп Weekly, Читальный зал).
- Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М., Новое издательство, 2006. Часть 2. Обновление семьи и брака; Часть 3. Модернизация рождаемости (Демоскоп Weekly, Читальный зал)
- Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб, ALEXANDRIA, 2010, с. 217-226.
- Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014, 1: 106-143.

Рекомендуемая литература по теме 3

Дополнительная

- Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. Учебник для вузов. М., Академический Проект; Альма Матер. 2011: 249-269; 288-306.
- Бальбо Н., Биллари Ф., Миллс М. Рождаемость в развитых странах: обзор исследований // Демографическое обозрение, 2017, 2.
- Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В двух томах. Т. I. Демографическая теория и демографическая история. М., Наука, 2005: 311-332.
- Демографическая энциклопедия. М., Энциклопедия. 2013. Статья «Рождаемость».
- Коул Э.Дж. Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны // Брачность, рождаемость и семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика, 1979: 71-97 (Демоскоп Weekly, Читальный зал).
- Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика, 1979: 14-70 (Демоскоп Weekly, Читальный зал).

Рекомендуемая литература по теме 3

Дополнительная (продолжение)

- Coale A.J. The decline of fertility in Europe since the eighteenth century as a chapter in demographic history // The decline of fertility in Europe / Ed. by A. Coale, S.C. Watkins. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Sobotka T. The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe // Childbearing Trends and Policies in Europe. Overview Chapter 6.
<http://www.demographic-research.org/volumes/vol19/8/19-8.pdf>
- Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. Vol. 42. № 1.
- Lesthaeghe Ron. The unfolding story of the second demographic transition. Population and Development Review, 2010, 36(2): 211–251.